

КОГДА РОДИЛАСЬ „СИРЕНЬ“

«Я родился в августе 1941 года, — пишет в редакцию гомельчанин Ю. Ивановский. — А в июне, на второй день войны, погиб мой отец. Был он командиром пограничной заставы.

Недавно смотрел телепередачу — авторский концерт поэта Евгения Долматовского. На нем прозвучала песня «Сирень». Поэт Е. Долматовский написал ее вместе с композитором П. Аедоницким. После того, как песня была исполнена, в зале долго звучали аплодисменты, у некоторых из слушателей были на глазах слезы. Мне в душу запали две последние строчки из припева: «И мы с отцом несем сирень в подарок нашей маме». Теперь, каждый раз, когда я слушаю «Сирень», я думаю о своем отце...

Дорогая редакция! Опубликуйте, пожалуйста, в «Музыкальной страничке» эту песню. Уверен, что к моей просьбе присоединятся очень многие люди, у которых не вернулись с войны отцы, матери».

Получив письмо, мы позвонили в Москву Е. Долматовскому, прочитали ему строки Ю. Ивановского... А через несколько дней поэт прислал в редакцию рассказ о том, как создавалась эта песня.

Публикуем рассказ Е. Долматовского и песню «Сирень».

Песня «Сирень» опубликована под двумя датами — 1943 и 1975. Будь это не песня, а много-томный роман, и то срок создания сочинения показался бы великоватым: чуть не по году на строчку...

Нет, стихотворение было написано в 1943 году, под ним тогда стояло краткое упоминание о месте написания: «Курская дуга».

Но это была еще не песня и не было ни первого куплета, ни заключительного восьмистишия. Вот они как раз написаны в 1975 году.

Почему в тяжелую пору на фронте было создано столь мирное и почти идиллическое сочинение? Для тех, кто родился позже, упомяну только, что, кроме боев, пламени и грома, на войне была просто жизнь людей, а люди были по преимуществу молодые, и четыре года — огромный срок. Было все, что

бывает в жизни, — любовь, разлуки, встречи, печаль и даже радость.

Могу признаться, что каждый этап войны в моем представлении связан с... цветами. Так в памяти сохранилось: июнь 1941, отступление по необрунным нивам, а в спелой пшенице — маки и васильки, только маков больше, они яркие, как свежие пятна крови. Весна 1942-го ассоциируется с цветением садов. Увы, нам в том году плодов отведать не удалось. Летом отступали к Волге мучительно трудно. В степях у Дона желтела трава, дощечки, сапоги всегда были в ее пылце.

Весна 1943 года под Курском памятна сирени. Какая была сирень! Села казались лиловато-голубыми издали, а при приближении оклеивались сиреневыми.

Я находился в частях того фронта, которому предстояло выдержать в этих курско-орловских соловьиных сиреневых краях отчаянный натиск противника, разгромить танковые лавины и начать, после форсирования Днепра, освобождение Белоруссии, Польши, чтобы завершить войну взятием Берлина. Имя фронта тогда недолго было — Центральный, а потом он уж прославился как Первый Белорусский.

Сирень цвела так, словно природа предвосхищала нашу скорую победу на этих равнинах.

Мне казалось, да и теперь кажется, что сирень вела свою тихую, но очень убедительную поллитрабиту — словно вручала воинам всю красоту родной земли, вдохновляла на подвиг.

Я был тогда в единой «упряжке» с молодым корреспондентом «Комсомольской правды» Карлом Непомнящим. У нас была одна машина на двоих, мы сдружились, все тяготы военной жизни делили пополам. Но у моего друга была еще и собственная линия в те тревожные весенние недели 1943 года. Будучи незадолго до нашей орловско-курской командировки в партизанском отряде, он... влюбился. Да как! Партизанка, на которую он молился, как раз тогда прилетела из тыла в Москву и он пользовался всеми видами связи, чтобы послать ей весточку. Однажды он заставил меня отстучать по военному телеграфу такую депешу:

Как о далеком тонущем
Торпедированном корабле,

Помните о Непомнящем,
Стонущем на земле.

Непомнящий мечтал послать своей любимой письмо в стихах и часто просил меня «составить» для него текст. Однажды, не успев въехать в Курск, мы попали под отчаянную бомбежку и укрылись на кладбище. Самолеты противника шли волнами, и нам пришлось довольно долго отсиживаться среди могил и кустов сирени. Накануне я сочинил стихотворение, но, находясь в одном из полков первой линии, не имел возможности его записать. Чтобы отвлечься от нечеловеческих мыслей и прогнать холодок, всегда бегущий между лопаток, когда бомбы рвутся близко, я достал из планшета бумагу и стал записывать почти полностью выстроившиеся в памяти строки.

Непомнящий, которому я прочитал стихотворение о том, что «пахнет сиренью сильней, чем старый порох», ска-

зал сперва, что стихотворение не соответствует моменту — оно идиллично, а тут такое творится! Редактор фронтовой газеты ни за что не напечатает его как несвоевременное.

А потом он повел иной разговор:

— Ну зачем тебе это стихотворение сейчас? Отдай его мне, я пошлю в Москву, как письмо своей партизанке...

Дрогнуло мое сердце, отдал я свою «Сирень». Вдруг поседывает сердце на успехам моего друга!

Через несколько дней я заехал в редакцию фронтовой газеты. Редактор у нас был человек строгий, он частенько упрекал меня: «Нужны боевые призывные стихи, а ты мне несешь лирику...» И вдруг этот самый редактор спросил меня:

— Майор, нет ли у тебя какого-нибудь совсем-совсем лирического стихотворения? Природа, любовь, цветы...

Я ушам своим не поверил!

Но редактор настаивал, а потом объяснил мне, что командование имеет данные о готовящемся крупном наступлении немецких войск и чрезвычайно скрытно готовит контрудар. Одновременно принимают меры по дезинформации противника. В игру включена и фронтовая газета: все материалы должны наводить на мысль, что никакой подготовки, никакого накопления сил на этом направлении нет, что советское командование отстроило своим дивизиям отдых, а само благодушествует. Будет подготовлен совершенно особенный лирический номер газеты. Самолет, доставляющий прессу на передовую, будто по ошибке сбросит пачку газет на передний край вражеских войск. Задача — сбить вражескую разведку с толку — должна выполняться многообразно. Может, и газета сыграет свою роль...

Я достал из полевой

сумки «Сирень», и стихотворение было немедленно сдано в набор.

Дальше события развивались своим чередом. Не знаю, помогло ли стихотворение «Сирень» дезинформировать противника, но кое-кто из воинов послал его в письмо домой. Вскоре оно было перепечатано газетой «Правда» и стало всеобщим достоянием.

Партизанка, получившая этот текст в письме Непомнящего, была, вероятно, немало удивлена.

После Победы мы с Непомнящим опять оказались на долгие годы в одной упряжке. Мы встречались в Советском комитете защиты мира, на конгрессах в защиту мира в разных странах...

Дорогой мой дружок Карл Непомнящий при каждой встрече читал мне строки из старой фронтовой «Сирени», и мы с улыбкой вспоминали далекую весну 1943 года. Партизанка давно стала его женой, и у них уже был взрослый сын. В 1968 году, когда мы виделись последний раз, мы опять говорили о прошлом. А потом журналистская страсть и интернациональный долг позвали моего друга в опасную командировку, из которой ему не удалось вернуться.

С того дня, когда пришла в Москву эта скорбная весть, стихотворение «Сирень» стало для меня как бы траурным.

Еще семь лет пролетело.

Однажды композитор Павел Аедоницкий, с которым нас свел «круглый стол» одной телеви-

зионной передачи, вдруг прочитал мне наизусть несколько строк из «Сирени». Оказывается, они сохранились в его памяти с 1943 года, когда он, совсем юноша, работал во фронтовом госпитале. Он сказал, что тогда еще напевал слова моего стихотворения на какой-то свой немудреный мотив, давно уже забытый.

А что, если дать новую жизнь этому старому стихотворению и когда-то намеченной мелодии? Встреча поэта и композитора, никогда не сочинявших вместе, может дать неожиданный эффект.

Мы решили попробовать. Но как быть со старым, накрепко приваренным к военным временам текстом стихотворения? Ведь это письмо из очень далекого прошлого.

Аедоницкий предложил мне написать стихи о человеке, который сохранил в памяти строчки, когда-то, в годы войны, прочитанные им в газете либо в письме. А может быть, отец прислал с фронта своей любимой стихи фронтового поэта, и они сохранились на пожелтевшем от времени листке?

Порешили: пусть будет так, ведь в жизни так могло и может быть. Появились вступительное и заключительное восьмистишия, и стихотворение превратилось в песню. Не знаю, вспомнил композитор когда-то намеченную им мелодию или сочинил совершенно новую, но Павел Аедоницкий сыграл мне песню «Сирень», и мы решили дать ей жизнь. Теперь это уже собственность поющих и слушающих, им судить, удалась ли песня, сочинявшаяся 32 года.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ.